

Шереметев Сергей Дмитриевич

Воспоминания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С32

С32 **Сергей Дмитриевич Ш.**
Воспоминания / Шереметев Сергей Дмитриевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
126 с.

ISBN 978-5-521-31022-7

ISBN 978-5-521-31022-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

музыки сдѣлался въ Москвѣ извѣстенъ моему отцу. Всѣ его въ семействѣ нашемъ знали, какъ сентиментальнаго и обидчиваго курляндца. Отцу онъ нравился тѣмъ, что играть на фортепіано не дурно; отецъ не разъ бывало, когда въ уединеніи своемъ начиналъ хандрить или тосковать, приглашалъ его развлечь себя музыкою.

Къ сожалѣнію, къ обидчивости Ю. О. Гренинга слѣдуетъ прибавить необычайную наивность, переходящую границы возможнаго и скудость знаній. Съ самаго начала оба ментора стали другъ къ другу враждебно, что продолжалось до самаго конца ихъ сожителства. Не могу сказать, чтобы мнѣ было веселѣе отъ этого постояннаго соперничества.

Съ другой стороны положеніе усложнялось уже тѣмъ, что съ самаго почти начала Rouget своею безтактностью возбудилъ противъ себя моего отца. Не понимая его характера, онъ при своей вспыльчивости и горячности сразу сталъ относиться враждебно и подозрительно ко всякому вмѣшательству отца моего въ воспитаніе. Это была большая ошибка и тѣмъ

болѣе, что мягкостью пріемовъ онъ легко сѣумѣлъ бы привлечь отца къ уступчивости. Этимъ настроеніемъ при всей своей простотѣ сѣумѣлъ воспользоваться Ю. Ѳ. Гренингъ: ему отецъ болѣе довѣрялъ. Такимъ образомъ дѣло воспитанія должно было страдать отъ недостатка единства и системы.

Насколько не посчастливилось мнѣ съ воспитателями, настолько удачны были за немногими исключеніями мои учителя. Назову ихъ. Законоучитель протоіерей Петръ Александровичъ Сперанскій, родомъ костромичъ, началъ служеніе свое за границей при посольской церкви нашей въ Неаполѣ еще при извѣстномъ королѣ „*Pie Vomba*“ и при посланникѣ нашемъ графѣ Хребтовичѣ. Впослѣдствіи сдѣлался онъ извѣстнымъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ во время ея путешествія и пребыванія въ Италіи (*Palermo*), когда онъ и сдѣлался ея духовникомъ. Потомъ его перевели въ Петербургъ въ придворное духовенство, а впослѣдствіи, уже послѣ кончины императора Николая, онъ всякій разъ сопровождалъ го-

сударыню за границу и былъ съ нею въ Ниццѣ, Киссингенѣ и Брюккенау. Это былъ человѣкъ отлично образованный, доступный, привѣтливый и рѣдкой души. Я скоро полюбилъ его искренно и навсегда остаюсь ему благодаренъ за его заботы обо мнѣ и за его сердечное расположеніе. Это былъ вѣрный человѣкъ, къ которому я могъ обращаться съ полною откровенностью и который не разъ поддерживалъ меня въ крутое время. Кончина его (въ 1866 г.) была для меня невознаградимою потерей. Какъ законоучитель, въ первое время онъ мнѣ казался недостаточно доступнымъ, но съ каждымъ годомъ его можно было цѣнить все болѣе и болѣе. Съ нимъ пріятно было проводить время и внѣ урока, благодаря его занимательному разговору и веселости. Онъ любилъ посидѣть и потолковать за чашкою чая, гулялъ съ нами по рощѣ и уѣзжалъ изъ Ульянки всегда поздно вечеромъ. Часть его урока неизмѣнно былъ отъ 4 до 5^{1/2} вечера.

Преподавателемъ русскаго языка и словесности и русской исторіи былъ Михаилъ Петровичъ

Мосягинъ, прекраснѣйшій человѣкъ и отличный преподаватель. Онъ давалъ множество частныхъ уроковъ; всюду и вездѣ онъ былъ любимъ, а со мною занимался съ самаго начала, почти до производства моего въ офицеры, и скончался въ 1862 году. Онъ такъ съумѣлъ пріохотить меня, что я изъ кожи лѣзъ, чтобы заслужить у него хорошую отмѣтку. Особенно пріятны были съ нимъ уроки русской исторіи. Онъ читалъ мнѣ исторію по Устрялову. Учебникъ этотъ, хотя и пространный, Мосягинъ дополнялъ подробностями и карандашемъ отмѣчалъ эти дополненія въ книгѣ. Урокъ заключался въ слѣдующемъ: сначала онъ мнѣ самъ читалъ, а вслѣдъ затѣмъ я обязанъ былъ повторить все то, что я отъ него слышалъ. Это обязывало меня слушать со вниманіемъ. Къ слѣдующему уроку я долженъ былъ ему приготовить письменное изложеніе имъ прочитаннаго, по прочтеніи коего я вновь повторялъ ему все заданное. По окончаніи урока онъ также не прочь былъ посидѣть, особенно на Ульянкѣ, и часто ходилъ съ нами въ лѣсъ.

Мосягинъ отлично читаль, въ особенности Гоголя. Слушать его было наслажденіемъ. Съ П. А. Сперанскимъ онъ познакомился у меня, и какъ хорошіе люди, они очень полюбились другъ другу. Мосягинъ давалъ два урока въ недѣлю русской словесности и одинъ урокъ русской исторіи. Съ Руже и Гренингомъ онъ умѣлъ ладить, такъ же какъ и П. А. Сперанскій. Служилъ онъ подъ верховнымъ начальствомъ принца П. Г. Ольденбургскаго въ Коммерческомъ училищѣ и былъ очень преданъ старику доктору Самуилу Филипповичу Гимеру, бывшему у насъ въ Москвѣ домовымъ врачомъ и пользовавшемуся особымъ расположеніемъ моего отца.

Преподавателемъ математики былъ Павелъ Николаевичъ Голицынскій. Онъ отличался мягкостью пріемовъ. О себѣ вообще говорилъ онъ мало; только иногда жаловался на превратность судьбы, упоминалъ о лишеніяхъ и скитаніяхъ. Когда я познакомился съ нимъ, онъ училъ въ домѣ дяди С. С. Шереметева и занимался воспитаніемъ находившихся у него подъ опекою родственниковъ его первой жены, ур. кн.

Горчаковой, братьевъ Черевиныхъ. Онъ не уживался съ дядею и уже давно намѣтилъ себѣ занятія со мною. Онъ даже думалъ поступить ко мнѣ воспитателемъ, но это не состоялось.

Я не чувствовалъ никакого влеченія къ математикѣ и отличался особенною неспособностью по этому предмету. Нужно отдать справедливость терпѣнью Голицынскаго заниматься со мною; три раза въ недѣлю и столько же дней приготовительныхъ были отданы математикѣ. Корпѣлъ я надъ пресловутою книгой Мейера Гирша, рѣзалъ сырой картофель для уразумѣнія истинъ стереометріи, рылся у Коллета и у Веги для отысканія логариѶмовъ; потомъ снова возвращались мы къ задачамъ, на томъ основаніи, что „*repetitio est mater studiorum*“, и все таки еле-еле подвигался я въ уразумѣніи великихъ истинъ.

Преподавателемъ чистописанія былъ Лагузенъ Иванъ Ивановичъ, какъ и слѣдуетъ быть нѣмцу. Онъ давалъ уроки Великимъ Князьямъ, сыновьямъ Цесаревича и жилъ въ Petri Schule, въ домѣ Лютеранской церкви. Добрѣйшій былъ

онъ человѣкъ и аккуратнѣйшій. Давалъ онъ списывать прекрасныя прописи и считалъ меня хорошимъ ученикомъ, такъ что даже для примѣра показывалъ мой почеркъ. Особенно настойчиво требовалъ онъ всегда, когда я писалъ гусинымъ перомъ, „чтобы раскепъ ровно раздался“, и очень ловко подчищалъ ошибки сандараконъ.

Рисованію училъ меня академикъ Николай Ивановичъ Тихобразовъ, талантливый художникъ, получившій большую медаль въ Академіи и отправленный въ Италію для усовершенствованія, но тамъ онъ, подобно многимъ изъ собратій, принося обильныя жертвы Вакху, почти совершенно бросилъ живопись. Не знаю, какъ попалъ онъ въ преподаватели къ Великимъ Князьямъ. Ко мнѣ его рекомендовалъ, сколько помнится, И. И. Лагузенъ. Свои итальянскія привычки онъ не покидалъ вполнѣ и на сѣверѣ; не разъ давалъ онъ мнѣ уроки на первомъ и даже на второмъ взводѣ. Тогда садился онъ за фортепіано и всегда подпѣвалъ:

Черный цвѣтъ — мрачный цвѣтъ,
Какъ люблю я тебя...

Наказаніемъ для меня были всегда уроки танцованія. Мой *maître à danser* былъ Mr. Auguste Poireaux или попросту Mr. Auguste, потому что онъ находилъ другую фамилію не благозвучной. Эти уроки потому были особенно скучны, что я былъ одинъ. Онъ приходился сродни знаменитому Екатерининскому балетмейстеру Лепику, Mr. Le Picq, нѣкогда учившему Татьяну Васильевну. Сама она очень интересовалась этими уроками, такъ какъ въ молодости отлично танцевала балетные танцы. Меня заставляли дѣлать всякіе *pas de bourrée*, *pas grave*, *assemblées syssolles*, *sauts de basques*, учили *gavotte* и *menuet* и не выучили порядочно ни вальсу, ни мазуркѣ. Auguste былъ постоянно мною недоволенъ и ставилъ дурныя отмѣтки.

Музыкою занимался я ежедневно съ Ю. О. Гренингомъ. Купили мнѣ фортепіано въ Москвѣ на фабрикѣ *Stürzwage*. Фортепіано это до сихъ поръ еще цѣло. Я не могъ не любить музыки и желалъ хорошо играть. Гренингъ задался мыслью сдѣлать изъ меня виртуоза,

который бы давалъ концерты и прославилъ бы его имя! Онъ не обращалъ вниманія на тѣ пьесы, которыя я охотно игралъ и которыя просилъ играть. Онъ наперекоръ давалъ часто то, что мнѣ не нравилось. Гораздо позднѣе, когда я отказался разучивать Гуммеля, онъ понялъ, что изъ меня піаниста не выйдетъ и не могъ мнѣ этого простить. Хотя я очень былъ лѣнивъ и не усидчивъ, все же, мнѣ кажется, что Ю. О. не такъ взялся, какъ бы слѣдовало. Моя игра однажды такъ понравилась Гензельту, что онъ пришелъ на другой день ко мнѣ и спѣшилъ познакомиться съ Гренингомъ, но тутъ же понялъ свое недоразумѣніе.

Мало-по-малу къ этимъ учителямъ присоединились другіе, когда уже опредѣлилось, что меня готовятъ къ университету. Физику мнѣ преподавалъ О. О. Эвальдъ, латинскій языкъ—Г. И. Лапшинъ. Но о нихъ впереди.

Первоначальные уроки всеобщей исторіи, географіи и французскаго языка взялъ на себя Руже. Объ этихъ урокахъ я сохранилъ хорошее

воспоминаніе. По нѣмецки говорилъ я съ Гренингомъ, за то англійскій языкъ началъ мало-по-малу забывать за отсутствіемъ практики.

Татьяна Васильевна знакомилась со всѣми учителями, съ иными сходилась и даже дружилась. Она особенно любила Руже, Мосягина, Сперанскаго, Лагузена и Тихобразова. Любила она сидѣть у меня во время уроковъ и всегда внимательно вслушивалась. Только не могла она переварить Гренинга.

Жизнь въ Ульяновѣ, начиная съ 1853 года, сложилась слѣдующимъ образомъ: вставалъ я часовъ въ 7, черезъ полчаса пилъ кофе въ саду, по обыкновенію на скамейкѣ подъ дубомъ, у самаго балкона Татьяны Васильевны. Прогулки совершались „по чину“ съ Руже или съ Гренингомъ небольшія вокругъ пруда. Потомъ начинались уроки отъ 9—12. Затѣмъ „рекреація“ до часу, когда подавали обѣдъ. Съ дѣтства и почти до поступления въ полкъ я обѣдалъ въ часъ и одинъ. Въ 3 часа снова начинались уроки до 6 или позднѣе. Затѣмъ пили чай; опять прогулка въ